

ПИТАННЯ ЛЕКСИКОЛОГІЇ, ФРАЗЕОЛОГІЇ ТА ГРАМАТИКИ

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237793

УДК 81'371'373.231/.232:161.114

БОНДАРЕНКО Ирина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент, преподаватель русского и украинского языков Одесского национального морского университета; ул. Мечникова, 34, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 067 2729069 ; e-mail: ira_bondarenko1960@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-6115-8798

КВАША Татьяна Григорьевна,

старший преподаватель русского и украинского языков Одесского национального морского университета, ул. Мечникова, 34, г. Одесса, 65058, Украина; тел.: +38 073 1446408; e-mail: tanya.kvasha@hotmail.com

ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ АНТРОПОНИМОВ

Аннотация. *Цель* статьи — анализ наиболее значимых критериев разграничения собственных и нарицательных единиц языка, установление закономерностей функционирования антропонимов в языке и речи, исследование различий в их семантике, определение значения философского аспекта в семантике антропонимов как средства характеристики магичности имени и типологических признаков сакрального в собственных именах, определение причин двуименности и специфических действий над именами в старой Руси, природы магического в семантике антропонимов. *Объект* исследования — собственные имена, антропонимы языка. *Предмет* исследования — ономастикон языка. Для достижения цели использованы такие *методы*: анализ и синтез, описательный, наблюдение, лингвостилистический. Философский аспект статьи реализуется в характеристике сложной магии антропонимов (их сакральности), которая, в свою очередь, определяет семантическую специфику собственных имен: а) повышенную знаковую; б) склонность к деэтимологизации; в) особую словообразовательную парадигму собственных имён. Авторами проанализированы признаки симпрактического характера антропонимов, что позволило сделать *выводы* о тесной связи личных имён с религиозно-обрядовой деятельностью, определяющей все стороны человеческой деятельности. Исследование антропонимической системы языка даёт материал и основания для философского и духовного развития личности, позволяет осмыслить и обобщить наследие тысячелетней христианской культуры.

Ключевые слова: философский аспект, ономастикон, антропонимы, собственные имена, нарицательные имена, концепты языка и речи, коннотация, десигнат, сакральность, христианство, магия имени.

Постановка проблемы. Ономастика с 70-х годов XX века привлекает внимание учёных. Антропонимы, или собственные имена индивидов, являются своеобразным, но очень важным пластом словарного состава любого языка. Носители языка используют антропонимы в качестве необходимых элементов не только в функции номинации личности в актах языковой коммуникации. Они содержат важную и глубокую теоретико-лингвистическую, историческую, этнографическую и иную информацию, в которой находят свое отображение быт, поведение, социальное положение, психофизические характеристики человека. Все эти компоненты входят в содержание понятия «историко-культурного наследия народа».

Связь с предыдущими исследованиями. Исследование украинского антропонимикона отражено в научных работах С. Бевзенко, Э. Боевой, И. Бондаренко, В. Горпинича, И. Железняк, Ю. Карпенко, Р. Керсты, И. Ковалика, Т. Крупневой, О. Недилько, Т. Немировской, О. Немировской, Р. Осташа, Е. Отина, А. Поповского, Ю. Редько, М. Худаша, П. Чучки, В. Шульгача и других ономастов. Однако лингвистическая многогранность этого класса языковых единиц обуславливает необходимость его дальнейшего изучения, поскольку до конца не разрешены вопросы семантики, коннотаций и экспрессии сакральных онимов, что определяет актуальность нашего исследования.

Ономастикон языка является также предметом и целью исследований философов, этнографов, богословов, психологов. Так, в русской философии проблему имени разрабатывали П. А. Флоренский, С. Н. Булгаков, А. Ф. Лосев. В свою очередь, на творчество этих мыслителей большое влияние оказала онтологическая модель В. Соловьёва, обладавшего «великим платоническим даром — трогать мысль» [15, с. 11].

Следует отметить неопределимый вклад, который внесли в духовную культуру и научную картину мира работы П. А. Флоренского («Смысл идеализма», «Имена», «Магичность слова», «Органопроекция»), А. Ф. Лосева («Философия имени», «Вещь и имя. Самое само», «Имяславие. Ариопагийский корпус»), С. Н. Булгакова («Героизм и подвижничество»).

Однако самый большой интерес ономастический пласт языка вызывает, безусловно, у лингвистов, которые исследуют различные аспекты имени: разделение имён на классы, их номинативные функции, критерии разграничения собственных и нарицательных имён и т. д. Заслуживают внимания работы Ю. Карпенко, В. Никонова, А. Суперанской, Е. Куриловича и др.

Необходимость анализа плана содержания собственных и нарицательных имен обусловлена и наличием в их семантике большого числа различных коннотаций. Имя собственное и имя нарицательное коннотируют практически неограниченное количество признаков. Выделение главного критерия здесь позволяет дифференцировать различие в их семантике: нарицательные имена выражают понятия, а собственные имена их выражать не могут. Кроме того, значение, содержательный план собственного имени представляется значительно ослабленным вследствие того, что каждое имя собственное коррелирует с одним объектом, и этот объект выделяется именем из очень большой группы однородных предметов. Необходимо отметить и такую сторону вопроса, как существование и функционирование собственных имён в языке и речи. Следует отметить, что степень вариативности имени собственного в речи гораздо выше, чем в языке.

Особое внимание лингвистов к антропонимам обусловлено и тем, что этот класс онимов имеет ряд особых черт, позволяющих сделать выводы, которые (наряду с доказательствами их уникальности) могут быть экстраполированы на другие классы собственных имён.

Антропонимам более других единиц речи присущ ярко выраженный симпрактический характер и наличие в их природе такой особенной черты, как сакральность. Имя является тотемическим символом, а потому магично. Имя в понимании древних было особенным словом. Можно говорить, что сакральность имён является типологической чертой для человеческого общества на определённой стадии развития.

Постановка задач. Целью данной статьи является изучение ономастикона языка в контексте становления лингвокультурных этапов развития общества, что даёт возможность понять современные языковые процессы. Для достижения цели нами использовались такие методы: анализа и синтеза — для систематизации фактического материала и теоретических положений; описательный — для характеристики антропонимического массива данных и его особенностей; наблюдения — для выделения показателей отдельных групп собственных имен; лингвостилистический — для выделения эмоциональной окраски антропонимов.

Изложение основного материала. Уникальность ономастики как раздела языкознания обусловлена специфичностью ее объекта — собственных имен языка. Ономастика непосредственно и практически всегда пересекается с историей общества, которое порождает собственные имена и отражает в них все этапы своего развития. Кроме того, она прямо или опосредованно связана с географией, этнографией, астрономией и т. д. Каждый из классов ономастических единиц становится объектом тщательного исследования ученых, и количественное и качественное многообразие этих классов огромно.

Основная проблематика, касающаяся имени, предполагает осмысление вопроса о соотношении частного и общего. П. А. Флоренский по этому поводу пишет: «Проблемы: индивида и среды, атома и пустоты, дискретности и сплошности, прерывности и непрерывности и т. д., и т. д., — все это — видоизменение основной проблемы единого и многого» [19, с. 98]. В этом же контексте в качестве определенного аспекта проблемы имени встала проблема универсалий, поскольку проблема имени не может целостно решаться на философском уровне, если она не сфокусирована на вопросе о статусе общего.

Задача любого имени собственного — называние единичного объекта, то есть выполнение номинативной функции. Реализация этой функции в речи способствует идентификации (отношение имени к объекту) и дифференциации (отношение данного имени к другим именам или данному объекта к другим объектам) как языковой единицы, так и называемого объекта. Ю. Карпенко отмечает, что «номинация, идентификация и дифференциация — это три стороны главной функции собственного имени — закрепленность имени за одним объектом» [6, с. 6]. Таким образом, «семантическая специфика собственных имен порождает такие их особенности, как: а) повышенную знаковость — если все слова вообще являются знаками, то собственные имена — это знаки в квадрате; б) особую склонность к деэтимологизации; в) словообразовательное своеобразие собственных имён» [2, с. 52].

Выполняя каждый день многие тысячи актов номинации, имена собственные подчиняются как универсальным (общеономастическим), так и специфическим закономерностям этого процесса. И здесь, безусловно, в качестве одного из таких специфических аспектов следует отметить значительно ослабленный содержательный план собственных имен. Причина такого лингвистического феномена кроется в выделении именем собственным одного предмета из большой группы однородных предметов. И подобно тому, как предмет однороден с другими предметами, собственное имя семантически уподобляется другим собственным именам, теряя свою семантическую объемность (ср. непригодность египетских иероглифов для записи собственных имён) [2, с. 51]. Крайняя точка зрения, как полагают некоторые исследователи, — собственное имя вообще не имеет семантики. Конечно, отказывать лексической единице в наличии содержательного плана не следует, но следует признать, что семантическая редукция в именах собственных имеет место. Актуальность изучения собствен-

ных имен обусловлена и необходимостью разграничения в их семантике разнообразных коннотаций. Дж. Милль считает, что, «имена собственные обладают большим количеством признаков, чем нарицательные» [10, с. 621].

Имена собственные и нарицательные коннотируют практически неограниченное количество признаков. Однако природа этой коннотации различна. К примеру, если мы в некотором контексте речи говорим об определенном городе, то слово «город» коннотирует все признаки, вызывая образ города. Но, помимо этого, слово «город» включает именно этот город и в понятие города как предмета. Употребляя же имя собственное в аналогичных условиях, мы ожидаем, что будучи однозначно понятым, оно вызовет образ своего носителя, а уже этот образ через соответствующее нарицательное название включит носителя имени в определённый понятийный ряд (город Одесса, Львовский театр оперы и балета). Главный критерий здесь не количество коннотаций, а то, что «имена нарицательные выражают понятие, а имена собственные понятий выражать не могут, а это значит, что необходимо признать границу между собственным и нарицательным в языке однозначной и качественной» [2, с. 51]. Здесь следует напомнить о необходимости различения собственных имен в языке и речи (большинство вопросов, собственно, относятся к речи). А определение чёткого статуса объекта достигается отнесением наименования к одному или многим объектам.

А. В. Суперанская формулирует эту мысль следующим образом: «В языке как системе (лексической, ономастической) имеется ограниченное количество имен, активных и пассивных» [16, с. 220], а в подавляющем большинстве случаев «собственные имена в языке обычно существуют на правах цитат [16, с. 217], то есть как факты речи, а не языка. Форма собственных имен и их содержание в речи становятся индивидуализированными, а в языке это качество отсутствует».

Большая степень вариативности имени собственного в речи, чем в языке и определяется этим различием. При этом варьирование формы собственного имени материально фиксируется им самим, в варьирование содержания — вообще никак не фиксируется или фиксируется его речевым окружением. Индивид отбирает из разных оттенков значений только апробированное практикой. Любое имя человека включает два значения: обобщённое — «имя человека вообще» и конкретизированное — «имя данного человека». Последнее может быть представлено в различных языковых реализациях (Николай Некрасов, Николай II) и бесконечном множестве речевых реализаций (все Николаи, живущие на Земле).

Однако существует проблема соотношения языка и знания языка, где первое существенно шире второго. В языке происходит постоянный процесс возникновения новых имен и трансформации старых, уже существующих. Возможно ли вхождение новых имен в состав языка, пока оно не закрепилось в системе языка? Концепция А. Белецкого подчёркивает функциональное назначение имени собственного: 1) функцию классификации, обобщения (фамилии, названия этнических групп, переходный пласт); 2) функцию индивидуализации [1, с. 74].

Акт номинации, его мотивы и обстоятельства выбора имени, формы и технологии активно исследовались в работах Ю. А. Карпенко, Е. С. Отина, А. В. Суперанской и др. Закономерности номинации в разных классах собственных имён подвижны и неоднозначны, а семантическая структура и семантическая динамика антропонимов подвержены деэтимологизации.

С определением семантики собственных имен связан и непростой вопрос, касающийся проблемы десигната. Десигнат, то есть реальный объект действительности, должно иметь каждое имя собственное. Но такого объекта может и не быть. Изучение личных имен божеств (теонимов) ставит перед исследователями целый ряд вопросов, связанных с разграничением в их природе собственного и нарицательного. Поэтому теонимам отказывают в статусе имени. Б. Рассел вводит ещё один класс имён: «имена вообще» [18]. Однако многие лингвисты считают, что семантическая классификация языковых единиц не может зависеть от факта наличия или отсутствия во внелингвистической действительности десигната языкового явления (ибо здесь происходит подмена понятия десигната как предмета мысли логическим понятием класса нереальных объектов). В аспекте языка факт наличия или отсутствия десигната — факт случайный. Язык либо безразличен к реальности или ирреальности экстралингвистической действительности, либо то, что ирреально сейчас, не всегда было очевидным для носителей языка. Очень интересна с точки зрения понятия десигната теонима философская точка зрения П. Флоренского. Он считает, что определяющая формула имяславия состоит в следующем: «Имя Божие есть Бог и именно Сам Бог, но Бог не есть ни Имя Его, ни Самое Имя Его» [17, с. 192], то есть «основной вопрос» имяславия решается П. Флоренским антиномически, но с его точки зрения, единственно возможно и верно. Имя понимается как целостный организм, который вмещает в себя три структурных образования: момент физико-химический, соответствующий телу, момент психологический, соответствующий душе, и момент оккультный, соответствующий телу астральному [18, с. 236].

Антропонимы ярко иллюстрируют данные теоретические положения и предоставляют глубокий и содержательный материал для научного анализа. Собственные имена, и антропонимы в частности, — это область повышенной номинации. На начальных этапах становления языка слово было вплетено в практику и изолировано от нее, не имело самостоятельного значения (т. е. носило симпрактический характер). Личные имена были тесно связаны с религиозно-обрядовой деятель-

ностью, определяющей все стороны человеческой деятельности, а потому имели такую ярко выраженную особенную черту, как сакральность (слово «сакральность» восходит к латинскому sacer — «посвященный, святой») [5].

Каждый человек рождается безымянным. Однако «нет меж живущих людей, да не может и быть безымянных. В первый же миг по рождении каждый, убогий и знатный, имя, как сладостный дар, от родимых своих получает...» (Гомер). Выбор того или иного имени для новорожденного в значительной мере определяется обществом: существует набор имен, правила выбора имени, человек, наделенный полномочиями нарекать именем. Индивид не может получить имя случайно: слишком многое в его дальнейшей судьбе зависит от личного имени. В древних обществах в условиях суеверий эта зависимость не такая уж фигуральная. И. С. Кон пишет: «Индивид был интегрирован в общество не как её автономный член, а как частица целого, немыслимая отдельно от него..., ни в одном из своих действий он не является исключительным субъектом, в каждом его поступке соучаствуют его сородичи, предки, духи, боги» [8, с. 199]. Такая слитность отдельной личности с общиной обеспечивалась преемственностью родовых имен: считалось, что вместе с именем родственника человек усваивает и некоторые его свойства. Личные имена служили не просто обозначением индивида и его родовой принадлежности, но были как бы его составной частью. Отсюда — сложная магия имен. Говоря о магичности слова, когда оно воздействует не только по смыслу, но и физически, как смыслоорганизованный звук, П. Флоренский замечает, что диалог выступает не только как некий обмен смыслами, но в то же время и нерациональными звуковыми комплексами. Философ понимает магичность слова как способность действовать, минуя разум. В этом случае слово выступает средством организации пространства волей говорящего: «Слово — конденсатор воли, конденсатор внимания, конденсатор всей душевной жизни, слова с усиленной властью действуют на душевную жизнь, сперва того, кто это слово высказывает, а затем ... и на тот объект, куда произносимое слово направлено» [18, с. 234]. Под магией слова о. Павел понимал наличие в слове ряда сил и энергий, присущих слову из его внутреннего строения, с помощью которых человек получает возможность нерационального воздействия на мир как на живой организм. Поскольку П. Флоренский подразумевает под магией психическое или физическое воздействие, постольку это даёт возможность предполагать, что элементы магии как орудия воздействия на внутренний мир индивида у него свойственны любой деятельности человека, как сакральной (имена) и мировоззренческой (термины, понятия), так и хозяйственной (орудия техники), а также художественной. Философ так определяет это понятие: «Магия в этом отношении могла бы быть определенной как искусство смещать границу тела против обычного его места. В сущности же говоря, всякое воздействие воли на органы тела следует мыслить по типу магического воздействия» [20, с. 413]. Ф. М. Достоевский говорил, что убеждает не столько само по себе слово, сколько личность собой и словом. «Слово, слово — великое дело, — говорил Ф. М. Достоевский. — Но важно не только, каково слово само по себе, но и чье это слово. Обозначено ли оно авторитетом самой личности» «Знаете ли вы, как силен «один человек»? Рафаэль, Шекспир, Платон?... Он остаётся на 1000 лет и перерождает мир...» [12, с. 166].

Класс антропонимов — один из наиболее репрезентативных классов в ономастике любого языка. Он демонстрирует самые разнообразные тенденции и закономерности, происходящие внутри него. В. А. Никонов писал, «что в антропонимии общие законы языка преломляются специфически, кроме того, возникают собственные закономерности, которых нет в языке вне её» [11, с. 56]. Социальная знаковость антропонимов предопределяется необходимостью «встраивания» человека в общество, отношения в котором обусловлены производственной дифференциацией. В антропонимии эта социальность смогла развиться потому, что имена людей легко изменяются, заменяются, трансформируются, что сами носители имен быстро сменяют друг друга.

Антропонимическая лексика в большей степени безэквивалентна, интернациональна и интересна в плане ономастической семасиологии. Подчеркивая особую метафизическую сущность личного имени, П. Флоренский пишет: «Человечество мыслит имена как субстанциональные формы, как сущности, образующие своих носителей — субъектов, самих по себе бескачественных. Это — категории бытия». Учёный исследует и анализирует ряд имен, показывающих связь характера и имени. «Автор хочет говорить о личных именах и их природе, и надеется показать важность ономастологии, то есть под этим именем он будет разумеет учение о существенной природе личных имен и их метафизической реальности в образовании личности, преодолевающей эмпирические факторы...» [17, с. 221]. Семантико-семасиологические параметры антропонима позволяют сделать предположение, что внутренняя форма и лексическое значение десигната для функционирования имени собственного являются избыточными и могут легко теряться. Факт — успешное функционирование у славян заимствованных христианских имён, несмотря на трудный и неоднозначный процесс принятия этих имен. Исследователь Дж. Томсон в работе, посвященной Эгейскому миру, говорит о специфике антропонимов: «Новорождённого приветствуют как одного из предков рода, как повторное воплощение родового тотема в человеческом образе» [цит. по: 3, с. 83]. Вот почему во всём мире существует обычай называть ребёнка в честь кого-нибудь из предков. Имя является тотемическим символом, а потому магично. Известно, что дикари почти всегда неохотно открывают своё имя чужим, это тотемическая тайна. У этих представлений столь глубокие корни, что даже в славянской семье языков слова, обозначаю-

щие «имя», «знак», «род» и «знаю» имеют общее происхождение (лат. *nomen, nota, gens, gnosko*). Имя и знак — одно и то же: в звуковой и «видимой» форме они воплощают в их носителе тотем.

Пришедшее на Русь христианство (через Византию) вступило в яростную борьбу с язычеством. В этой борьбе использовались все силы и средства. Был придуман хитроумный ход: все дети получали только христианские имена во время обряда крещения. Но разве христиане не были рождены языческими родителями? Первые христиане в Греции и Риме носили совсем не христианские, а обычные языческие имена. Но позже появился обычай называть детей в честь человека, прославленного церковью, «святого». Имя в понимании древних было особенным словом. Два человека с одинаковым именем были связаны друг с другом таинственными узами. И как же плохо тому, у кого нет тѣзки на небе, кто назван родителями-язычниками в честь языческого бога. И совершенно неожиданно у славян возникли трудности: на Руси ещё не было своих святых, а святые не могли быть язычниками. Следовательно, не было и имён, которые могли быть приняты христианской церковью. Приходилось давать детям странно звучащие греческие и иудейские имена, и вскоре установился странный обычай [21].

Согласно летописи, первой христианкой на Руси оказалась Ольга, жена Игоря и мать Святослава. Ольга — варяжское имя (Хельга — «святая»). При крещении Ольга поступила под покровительство почившей матери римского императора Константина и стала Еленой («светлая», «сияющая»). В старых святцах 24 июля двойной праздник в память и Елены, и Ольги. Церковь смирилась с попаданием варяжского имени в христианские святцы, но всё-таки продолжала называть Ольгу «во святом крещении» Еленой.

Владимир Красное Солнышко, внук Ольги-Елены, при крещении был наречён Василием («царский»). В Остромировом Евангелии (переписчик дьяк Григорий) указывается имя заказчика («в крещении Иосиф, а в миру Остромир») (человек о двух именах). Владимир Мономах стал в крещении Феодором.

Двуименность — обычное дело для старой Руси. Даже Богдан Хмельницкий для церкви — Зиновий. Некоторые исследователи считают антропонимы Богдан, Боголеп, Богодар теофорными, языческими именами, поскольку их нет в святцах. И всё же это калькированные имена (церковный мудрец первых веков христианства Ориген советовал крестить человека одним именем, а называть другим — калькированным). Традиционно крестильные имена хранились в тайне с целью избежать порчи (отсюда и практика перевода греческого имени на славянский). Если основа имени Бог находится в препозиции, то второй компонент имени имеет значение «дар» либо посвятельное значение: Богдан, Божидар, Богумил, Богуслав, Боголеп [22, с. 63].

Именник любого человеческого общества — предмет повышенного внимания носителей языка. Родители всегда тщательно изучали и изучают имена, готовясь к акту наречения своих детей. Психология носителей языка такова, что она не желает мириться с ограниченной семантикой этих слов, хотя уже в давние времена имена собственные «отрывались» от понятийной стороны и успешно функционировали в таком «ущербном» виде (например, иноязычные имена в документах не переводились). Но с обрядовой мифологической точки зрения внутренняя форма и семантика имени собственного были значимы, о чём свидетельствует ключевая позиция имени собственного в магии слова, т. е. антропонимы в глазах древних обладали тайной силой сами по себе. Личное имя способно воздействовать на судьбы называемого существа.

Таким образом, можно говорить, что сакральность имён является типологической чертой для человеческого общества на определенной стадии развития. Эта черта проявляется в различных табу и эвфемизмах, в существовании «защитных» имён, в специфических действиях над собственными именами: а) колдовское действие над именем имеет целью воздействовать в той или иной форме на носителя имени; б) покупка имени — один человек покупает имя у другого, желая обладать качествами носителя имени; в) обмен именами — обман демонов болезни; г) изменение имени — изменение судьбы. Действия над именами идентичны действиям над предметами: обмен, купля. Ничего подобного нет в других группах лексики.

Возможно, древняя традиция (сохранившаяся до наших времен) употребления у славян прозвищ наряду с именами и отражает тот факт, что подлинное имя могло храниться в тайне. Ведь для наших предков совершенно очевидными были представления о том, что личное имя действует как вблизи, так и издали. Оно называет, «накликает» существо и далее служит путем, по которому на человека легко переносятся так называемые «уроки», то есть порча посредством слова.

Выводы. В результате исследования были выделены семантические особенности собственных имен: а) повышенная знаковость; б) особая склонность к деэтимологизации; в) словообразовательная специфика собственных имен; г) редукция семантики; д) наличие у имён собственных большего количества признаков, чем у нарицательных.

Анализ коннотативных признаков собственных и нарицательных имен позволил сделать вывод о признании границы между собственным и нарицательным в языке однозначной и определённой. Кроме того, следует различать функции данных языковых единиц в языке и речи.

Исследование наличия / отсутствия десигната имени собственного позволяет сделать вывод об индифферентности языка к реальности или ирреальности экстралингвистической действительности. Функционирование антропонимов в речи подчеркивает ярко выраженный симпрактический харак-

тер этих единиц языка и сохранение в их природе сакральности. На основании этого положения выделены типологические признаки антропонимов: а) магичность; б) социальная знаковость; в) избыточность внутренней формы и утрата лексического значения исходного апеллятива при функционировании имени. Охарактеризованы специфические действия над собственными именами.

Перспективы дальнейшего исследования. В статье рассмотрена такая характеристика антропонимов, как сакральность, в связи с философским аспектом их значения. Однако это только один из аспектов изучения собственных имен. Тенденции и закономерности номинативной функции онимов значительно шире и разнообразнее, что предполагает дальнейшее исследование этого пласта лексики любого языка. Мы показали, что ономастикон языка — живая, развивающаяся система, а собственные имена — это источник богатейшей информации, которым нужно умело пользоваться. Притягательность собственных имён, разноаспектность их изучения позволяет говорить об «ономастическом языкознании» как особом разделе языкознания.

Литература

1. Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев : Изд-во КГУ, 1972. 209 с.
2. Bondarenko I. V. O granitse imeni sobstvennogo i нарицательного. *Science and Education a New Dimension. Philology*. Budapest, 2015. Vol. III (14). Issue 65. October. P. 50–52.
3. Bondarenko I. V. Компонент сакральности в семантике собственных имён (на материале антропонимов). *Науковий вісник Херсонського державного університету. Лінгвістика*. Херсон, 2018. Вип. 34. Т. 1. С. 81–85.
4. Брайчевський М. Ю. Утвердження християнства на Русі. Київ : Наук. думка, 1988. 259 с.
5. Забияко А. П. Язычество : от религии крестьян до киберрелигии. *Религиоведение*. 2008. № 4. С. 88–103.
6. Карпенко Ю. А. Специфика ономастики. *Русская ономастика* : сб. науч. трудов. Одесса : ОНУ, 1984. С. 3–16.
7. Ковалик І. І. Про власні загальні назви в українській мові. *Мовознавство*. Київ, 1977. № 2. С. 15–17.
8. Кон И. С. Социология личности. Москва : Политиздат, 1967. 383 с.
9. Курилович Е. Положение имени собственного в языке. *Очерки по лингвистике*. Москва : Изд-во иностр. лит., 1962. С. 251–266.
10. Милль Дж. Ст. Система логики силлогистической и индуктивной. Москва : Ленанд, 2011. 832 с.
11. Никонов В. А. Задачи и методы антропонимики. *Личные имена в прошлом, настоящем и будущем*. Москва : Наука, 1970. С. 33–56.
12. Олексюк А. В. Философия имени П. А. Флоренского. *Вестник МГОУ. Философские науки*. Москва, 2009. Вып. 4. С. 164–169.
13. Постовалова В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека. *Роль человеческого фактора в языке : Язык и картина мира* / Под ред. Б. А. Серебренникова. Москва : Наука, 1988. С. 8–69.
14. Рассел Б. Человеческое познание : его сфера и границы. Москва : Терра — Книжный клуб ; Республика, 2000. 464 с.
15. Соловьёв В. С. Сочинения : в 2 т. / сост. общ. ред. и вступ. статьи А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги; АН СССР, Ин-т философии. 2-е изд. Москва : Мысль, 1990. Т. 2. 822 с.
16. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва : Наука, 1973. 366 с.
17. Священник Павел Флоренский. Имена (ономатология). *Сочинения* : в 4 т. Москва : Мысль, 2000. Т. 3(2). С. 171–234.
18. Священник Павел Флоренский. Магичность слова. *Сочинения* : в 4-х томах. Москва : Мысль, 2000. Т. 3(1). С. 230–248.
19. Священник Павел Флоренский. Смысл идеализма (метафизика рода и лика). *Сочинения* : в 4 т. Москва : Мысль, 2000. Т. 3(2). С. 68–144.
20. Священник Павел Флоренский. Органопроекция. *Сочинения* : в 4 т. Москва : Мысль, 2000. Т. 3(1). С. 402–422.
21. Успенский Л. Ты и твоё имя. Москва : Зебра, 2016. 412 с.
22. Щедрін А. Т. «Вторинна» міфотворчість як соціокультурний феномен : (проблеми релігієзнавчо-культурологічного аналізу) : монографія. Харків : ХДАК, 2007. 430 с.

References

1. Beletsky, A. A. (1972), *Lexicology and theory of linguistics (onomastics)*. [Leksykologiya i teoriya yazykoznaninya (onomastika)], KSU Publishing House, Kiev, 209 p.
2. Bondarenko, I. V. (2015), “About the boundary of a proper name and a common noun”, *Science and Education of a New Dimension, Philology* [“O granitse imeni sobstvennogo i нарицательного”, *Science and Education of a New Dimension, Philology*], Budapest, vol. III (14), issue 65, October, pp. 50–52.
3. Bondarenko, I. V. (2015), “The component of sacredness in the semantics of proper names (based on anthroponyms)”, *Scientific Bulletin of Kherson State University. Linguistics* [“Komponent sakral'nosti v semantike sobstvennykh imyon (na materiale antroponimov)”, *Naukovyi visnyk Khersons'koho derzhavnogo universytetu. Lihvistyka*], Kherson, issue 34, vol. 1, pp. 81–85.
4. Braychevsky, M. Y. (1988), *Affirmation of Christianity in Ancient Rus* [Utverzhennya khrystyianstva na Rusi], Naukova dumka Publishing house, Kyiv, 259 p.
5. Zabyako, A. P. (2008), “Paganism : from the religion of peasants to cyber-religion”, *Religious studies* [“Yazychestvo : ot religii krest'yan do kiberreligii”, *Religiovedenie*], Moscow, No. 4, pp. 88–103.
6. Karpenko, Yu. A. (1984), “Specificity of onomastics”, *Russian onomastics* : Collection of scientific works [“Spetsifika onomastiki”, *Russkaya onomastika* : Sb. nauch. trudov], ONU Press, Odessa, pp. 3–16.

7. Kovalyk, I. I. (1977), "About proper common names in the Ukrainian language", *Linguistics* ["Pro vlasni zagal'ni nazvy v ukrains'kiy movi"], *Movoznavstvo*, Kyiv, issue 2, pp. 15–17.
8. Kon, I. S. (1967), *Sociology of personality* [*Sotsiologiya lichnosti*], Politizdat, Moscow, 383 p.
9. Kurilovich, E. (1962), "Position of a proper name in a language", *Essays on linguistics* ["Polozheniye imeni sobstvennogo v yazyke"], *Ocherki po lingvistike*, Foreign Literature Publishing House, Moscow, 267 p.
10. Mill, J. S. (2011), *A System of Logic : Ratiocinative and Inductive* [*Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoy*], Lenand Publishing House, Moscow, 832 p.
11. Nikonov, V. A. (1970), "Tasks and methods of anthroponymics", *Personal names in the past, present and future* ["Zadachi i metody antroponimiki"], *Lichnye imena v proshlom, nastoyashchem i budushchem*, Nauka, Moscow, pp. 33–56.
12. Oleksyuk, A. V. (2009), "The Philosophy of Name by P. A. Florensky", *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Philosophy* ["Filosofiya imeni P. A. Florenskogo"], *Vestnik MGOU. Seriya : Filosofiya*, Moscow, issue 4, pp. 164–169.
13. Postovalova, V. I. (1988), "Picture of the world in human life", *The role of a human factor in a language : Language and picture of the world* ["Kartina mira v zhiznedeyatel'nosti cheloveka"], *Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke : Yazyk i kartina mira*, Nauka, Moscow, pp. 8–69.
14. Russell, B. (2000), *Human Knowledge : Its Scope and Limits* [*Chelovecheskoe poznanie : yego sfera i granitsy*], Terra — Book club; Republic, Moscow, 464 p.
15. Solovyov, V. S. (1990), *Works* : in 2 volumes [*Sochineniya : v 2 t.* 2nd ed.], Mysl', Moscow, vol. 2, 822 p.
16. Superanskaya, A. V. (1973), *General theory of proper names* [*Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo*], Nauka, Moscow, 366 p.
17. Florensky, P., priest (2000), "Names (onomatology)", *Works* : in 4 volumes ["Imena (onomatologiya)"], *Sochineniya : v 4 t.*, Mysl', Moscow, vol. 3 (2), pp. 171–234.
18. Florensky, P. priest (2000), "The magic of the word", *Works* : in 4 volumes ["Magichnost' slova"], *Sochineniya : v 4 t.*, Mysl', Moscow, vol. 3 (1), pp. 230–248.
19. Florensky, P. priest (2000), The meaning of idealism (metaphysics of genus and face). *Works* in 4 volumes. ["Smysl idealizma (metafizika roda i lika)"], *Sochineniya : v 4 t.*, Mysl', Moscow, vol. 3 (2), pp. 68–144.
20. Florensky, P. priest, (2000), "Organ projection", *Works* : in 4 volumes ["Organoproektsiya"], *Sochineniya : v 4 t.*, Mysl', Moscow, vol. 3 (1), pp. 402–422.
21. Uspensky, L. (2016), *You and your name* [*Ty i tvoya imya*], Zebra, Moscow, 412 p.
22. Shchedrin, A. T. (2007), "Secondary mythology as a social and cultural phenomenon : (problems of religious scientific and cultural analysis) : monograph. [«Vtorynna» mifotvorchist' yak sotsiokul'turnyi fenomen : (problemy relihiyevnavcho-kul'turolohichnoho analizu)], KhDAK, Kharkiv, 430 p.

БОНДАРЕНКО Ірина Володимирівна,

доцент, кандидат філологічних наук, викладач російської і української мов Одеського національного морського університету, вул. Мечникова, 34, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 067 2729069; e-mail: ira_bondarenko1960@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-6115-8798

КВАША Тетяна Григорівна,

старший викладач російської і української мов Одеського національного морського університету, вул. Мечникова, 34, м. Одеса, 65058, Україна; тел.: +38 073 1446408; e-mail: tanya.kvasha@hotmail.com

ЛІНГВОФІЛОСОФСЬКИЙ АСПЕКТ СЕМАНТИКИ АНТРОПОНІМІВ

Анотація. *Мета* статті — аналіз найбільш значущих критеріїв розмежування власних і загальних одиниць мови, виявлення закономірностей функціонування антропонімів у мові та мовленні, дослідження відмінностей у їхній семантиці, визначення ролі філософського аспекту в семантиці антропонімів як засобу характеристики магічності імені і типологічних ознак сакрального у власних іменах, причин двоїменності і специфічних дій над іменами в Давній Русі, природи магічного в семантиці антропонімів. **Об'єкт** дослідження — власні імена, антропоніми мови. **Предмет** дослідження — ономастикон мови. Для досягнення мети використані такі **методи**: аналізу і синтезу, описовий, спостереження, мовно-стилістичний. Філософський аспект статті реалізовано в характеристиці складної магії антропонімів (їх сакральності), яка, в свою чергу, визначає семантичну специфіку власних імен: а) підвищену знаковість; б) схильність до деетимологізації; в) особливу словотвірну парадигму власних імен. Авторами проаналізовані ознаки симпрактичного характеру антропонімів, що дозволило зробити **висновки** про тісний зв'язок особистих імен з релігійно-обрядовою діяльністю, яка визначає всі сторони людської діяльності. Дослідження антропонімічної системи мови дає матеріал і підстави для філософського і духовного розвитку особистості, дозволяє осмислити і узагальнити спадщину тисячолітньої християнської культури.

Ключові слова: філософський аспект, ономастикон, антропоніми, власні імена, загальні імена, концепти мови і мовлення, конотація, десигнат, сакральність, християнство, магія імені.

Irina V. BONDARENKO,

Associate Professor, Candidate of Philological Sciences, Lecture of the Russian and Ukrainian Languages, Odessa National Maritime University; 34 Mechnikova st., Odessa, 65029, Ukraine; cell. : +38 0672729069; e-mail: ira_bondarenko1960@ukr.net; ORCID ID: 0000-0002-6115-8798

Tatyana G. KVASHA

Senior Lecturer of the Russian and Ukrainian Languages, Odessa National Maritime University, 34 Mechnykova st., Odessa, 65058, Ukraine; cell.: +38 073 1446408; e-mail: tanya.kvasha@hotmail.com/

LINGUOPHILOSOPHICAL ASPECT OF THE SEMANTICS OF ANTHROPONYMS

Summary. The *purpose* of the article is to analyze the most significant criteria for distinguishing between proper and common nouns, to establish the regularities of functioning of anthroponyms in language and speech, to study differences in their semantics, to determine the meaning of the philosophical aspect in the semantics of anthroponyms as a means of characterizing the magicality of a name and typological signs of the sacred in proper names, and the reasons for double-name phenomena and specific actions on names in Ancient Rus, the nature of the magic in the semantics of anthroponyms. The *object* of research is proper names, anthroponyms of the language. The *subject* of research is the language onomasticon. To achieve the goal the authors used the following *methods*: analysis and synthesis, descriptive method, observation method, linguo-stylistic method. The philosophical aspect of the article is realized in the characterization of the complex magic of anthroponyms (their sacredness), which, in turn, determines the semantic specifics of proper names: a) increased symbolism; b) a tendency to de-etymologization; c) a special derivational paradigm of proper names. The authors analyzed the signs of the sympractic nature of anthroponyms, which made it possible to draw *conclusions* about the close connection of personal names with religious and ritual activities that determines all aspects of human activity. The study of the anthroponymic system of the language provides material and grounds for the philosophical and spiritual development of the individual, allows us to comprehend and generalize the heritage of the millennial Christian culture.

Key words: philosophical aspect, onomasticon, anthroponyms, proper names, common nouns, concepts of language and speech, connotation, designatum, sacredness, Christianity, magic of the name.

Статтю отримано 12.04.2021 р.

DOI: 10.18524/2307-4558.2021.35.237834

УДК 811.161.1'42:808.543:821.161.1-17 И. Ильф&Е. Петров

ГАБИДУЛЛИНА Алла Рашатовна,

доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»; ул. Василя Першина, 24, г. Бахмут, 84511, Украина; тел. +38 050 2922276; e-mail: allagabidullina54@gmail.com; ORCID ID: 0000-0002-4271-4103

ЖАРИКОВА Марина Владимировна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и русского языка Горловского института иностранных языков ГВУЗ «Донбасский государственный педагогический университет»; ул. Василя Першина, 24, г. Бахмут, 84511, Украина; тел. +38 050 6858606; e-mail: m.zharikova@forlan.org.ua; ORCID ID: 0000-0001-8421-8178

ОКСЮМОРОН КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ИРОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА «ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ» И «ЗОЛОТОЙ ТЕЛЁНОК»)

Аннотация. *Цель* статьи — изучить дискурсивные особенности оксюморона в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». *Объект* анализа — оксюморон в роли риторического приема. *Предмет* исследования — оксюморон как эффективное средство реализации иронической модальности в произведениях писателей, как средство негативной характеристики персонажей. В работе использованы следующие *методы*: дискурс-анализ, компонентный анализ, контекстуальный анализ. В *результате* исследования описаны структурно-семантические особенности оксюморонов в романах И. Ильфа и Е. Петрова, показаны их дискурсивные особенности.

Выводы. В романах И. Ильфа и Е. Петрова наблюдаются все типы оксюморонов. С точки зрения языка и речи преобладают окказиональные (речевые) оксюмороны. С точки зрения происхождения они «живые», образные. Если же попадают стёртые клише-канцеляризм, то они имеют ироническую коннотацию. По принадлежности к определенному уровню языковой системы это оксюмороны-слова, оксюмороны-словосочетания, оксюмороны-полупредикативные конструкции, оксюмороны-предложения. В наибольшей степени в произведениях И. Ильфа и Е. Петрова представлены оксюмороны-словосочетания. С точки зрения морфологических способов выражения компонентов оксюмороны-словосочетания описаны с помощью пяти моделей: а) координативной «сущ.+сущ.»; б) адъективно-субстантивной; в) подчинительной субстантивно-субстантивной; г) глагольно-адвербиальной; д) количественно-именной. Основная стилистическая функция — средство иронической характеристики персонажей. *Практическое применение* результа-